

Аскамур и сэр Пионель Свирепый, кузен доброго рыцаря сэра Ламорака, которого сэр Гавейн и его братья предательски убили.

Были эти двадцать четыре рыцаря приглашены отобедать с королевой, и в назначенном месте ожидало их славное пиршество и яства всевозможные без счета.

Но у сэра Гавейна было одно обыкновение: он и на обед и на ужин каждый день ел непременно плоды и фрукты, а из них более всего любил яблоки и груши. И потому, кто бы ни угощал, ни потчевал сэра Гавейна, заботился неизменно, чтобы перед ним стояли отборные плоды. Позаботилась о том и королева: чтобы угодить ему, она повелела доставить на обед лучших плодов и фруктов.

Был этот сэр Гавейн по природе рыцарь весьма горячий, а сэр Пионель его ненавидел за убийство родича своего сэра Ламорака, и потому, из чистой злобы и ненависти, сэр Пионель питал ядом несколько яблок, желая отравить сэра Гавейна.

Дело было уже к концу обеда, и случилось, на беду, что потянулся за яблоком добрый рыцарь сэр Патрис, родич сэра Мадора де ла Порте, ибо он был разгорячен выпитым вином. И как раз случилось ему, на беду, взять отравленное яблоко. Лишь только съел он его, как начал пухнуть, и наконец его разорвало, и упал среди них мертвым сэр Патрис.

Повскакали тут все рыцари со своих мест из-за стола, стыдом и гневом разъяренные до безумия, ибо они не знали, что сказать, ведь пир и обед устроила королева Гвиневера, и они все подозревали ее.

– Госпожа моя королева! – воскликнул сэр Гавейн. – Знайте, что это угощение предназначено было мне, ведь все, кто знаком со мною, помнят, как я люблю плоды и фрукты. И теперь я вижу, что едва не принял смерть. И потому, госпожа, боюсь, как бы не было вам великого позора.

А королева стояла молча, ибо она была так глубоко смущена, что не знала, как ответить.

– Так этому не должно кончиться, – сказал сэр Мадор де ла Порте, – ибо я потерял здесь славного рыцаря из моего рода, и потому за такой позор и оскорбление я буду искать отмщения!

И сэр Мадор при всех открыто обвинил королеву в смерти своего кузена сэра Патриса.

Они же все стояли молча, не желая говорить против него, ибо велики были их подозрения против королевы, ведь обед тот задала им она. А королева была в таком смятении, что могла только плакать и рыдать, пока не упала в обморок.

Между тем на шум и крики явился туда сам король Артур, и, когда он узнал о случившейся беде, он весьма опечалился.

4

А сэр Мадор молча стоял перед королем, обвинив королеву в предательстве. Ибо в те дни нравы были такие, что всякое коварное убийство почиталось государственной изменой.

– Любезные лорды, – молвил король Артур, – я очень сожалею об этой беде, но обстоятельства здесь таковы, что сам я не могу принять участия в этой распре, ибо мне должно оставаться справедливым судьей. Однако мне весьма жаль, что я не смогу сразиться за мою супругу, ибо, по моему мнению, это зло сотворено не ею. И потому, я надеюсь, она не будет опозорена, но какой-нибудь добрый рыцарь вызовется положить жизнь свою за королеву, чем ей сгореть на костре по облыжному обвинению. Поэтому, сэр Мадор, не будьте столь поспешны, ибо, клянусь Богом, может еще стать, что у нее найдутся друзья, готовые за нее заступиться. Назначьте же по своему желанию день поединка, и она найдет какого-нибудь доброго рыцаря, который ответит на ваш вызов, а иначе позор мне и всему моему двору.

– Мой милостивый государь, – сказал сэр Мадор, – прошу у вас прощения, но хотя вы и король наш, но в этом деле вы такой же рыцарь, как и мы, и вы так же, как и мы, давали рыцарскую клятву. И потому, прошу вас, не гневайтесь, но среди двадцати четырех рыцарей, которые были званы на этот обед, ни одного нет, кто не питал бы подозрений против королевы. Что скажете вы, лорды? – спросил сэр Мадор.

Они стали отвечать один за другим, и все говорили, что не находят извинения королеве за устроенный ею обед и что либо в несчастье повинна она, либо кто-нибудь из ее слуг.

– Увы! – сказала королева, – я устроила этот обед не по злым побуждениям, но лишь по добрым, и да поможет мне всемогущий Иисус в моей правоте, только у меня никогда не было на уме зла, и в том полагаюсь я на волю Божию.